

в которой подводятся итоги дискуссии о частях речи, проводившейся на страницах журнала с октября 1953 г. и освещенной нами выше.

В редакционной статье следующим образом излагается суть споров: те, кто отрицает наличие частей речи, считают, что части речи могут быть выделены лишь на основе формы в узком смысле (словоизменение); в китайском языке словоизменения нет (отдельные аффиксы и формы редупликации имеют словообразовательный, а не словоизменительный характер) и, следовательно, в китайском языке невозможно выделить части речи. Противники этого взгляда считают, что при выделении частей речи надо опираться на ряд критериев, нельзя опираться лишь на форму в узком смысле (словоизменение) и, следовательно, в китайском языке возможно выделить части речи.

В статье отмечается, что хотя дискуссия и не решила еще проблемы частей речи в китайском языке, она, тем не менее, дала определенные результаты. Все пришли к тому, что, во-первых, нельзя выделять части речи, опираясь лишь на значение слов, и, во-вторых, что в китайском языке имеется морфология («интай»), хотя эта морфология отличается от морфологии индоевропейских языков. Странники наличия частей речи в китайском языке считают, что этот вопрос весьма сложен и нельзя пользоваться одним критерием для выделения частей речи; проблема частей речи может быть решена лишь при условии использования ряда критериев.

У сторонников наличия частей речи имеются расхождения по вопросу о критериях: одни предлагают два, другие — три, третьи — четыре критерия, причем сущность критериев раскрывается по-разному; нет ясности, какой из критериев считать главным и как пользоваться ими — одновременно использовать ряд критериев, либо же каждый раз использовать один какой-либо критерий как главный.

Помимо вопроса о самих частях речи, редакции считает необходимым вынести следующие три вопроса, которые еще не получили теоретического разрешения: 1) может ли существовать грамматика без частей речи? 2) необходимо ли при изложении грамматики различать явления общие и специфические? Могут ли специфические явления опровергнуть общие? 3) можно ли при обсуждении закономерностей современного китайского языка опираться на явления древнекитайского языка, а также на те явления, которые сохранились в устойчивых выражениях («чэньюй»)?

Редакция отмечает широкий интерес китайской научной общественности к дискуссии о частях речи.

Таково краткое изложение трактовок китайскими лингвистами проблемы частей речи в китайском языке.

Что касается взглядов советских китаеведов-лингвистов на проблему частей речи в китайском языке, то они в общих чертах были освещены в уже упоминавшейся статье Н. И. Конрада «О китайском языке».

Все советские китаеведы-лингвисты считают, что китайские слова могут быть распределены по большим группам, различающимся как своим обобщенным значением, так и грамматическими свойствами, т. е., что в китайском языке существует части речи. При этом одни из них делают больший упор на изучение синтаксических свойств слов, другие на морфологические особенности слов, по-разному используются семантический критерий и т. д.

Однако общее, что объединяет взгляды всех советских китаеведов-лингвистов, состоит в том, что они (как представители старшего поколения, так и молодые научные работники) в своих монографиях, учебниках, статьях и диссертациях<sup>1</sup> ведут исследования строя китайского языка именно в плане признания наличия частей речи в китайском языке.

В. М. Солнцева

«Gramatica limbii române». Red. resp. D. Macrea. — [București], 1954. (Acad. Republicii Populare Romîne.) Vol. I — Vocabularul, fonetica și morfologia. 447 стр. Vol. II — Sintaxa. 350 стр.

Выход в свет «Грамматики румынского языка» явился большим событием в культурной жизни Румынской Народной Республики. Потребность в такого рода труде издавна ощущалась в стране, но удовлетворение ее оказалось не под силу румынскому буржуазному языковедению.

<sup>1</sup> За последние несколько лет в Москве и Ленинграде было написано и защищено немало диссертаций, посвященных изучению строя китайского языка.

Новая «Грамматика», по замыслу ее составителей, должна служить авторитетным научным руководством, цель которого — помочь широким народным массам в овладении литературными нормами устной и письменной речи. Важную роль, несомненно, сыграет она и в повышении теоретического уровня преподавания родного языка в высших и средних учебных заведениях страны.

В рамках настоящей рецензии невозможно, конечно, охарактеризовать все особенности этого труда. Мы ограничимся поэтому лишь замечаниями об отдельных разделах и главах, представляющих, на наш взгляд, особый интерес с точки зрения достигнутых результатов и перспектив развития румынского языкознания.

Первый том «Грамматики» состоит из «Введения», «Словаря», «Фонетики» и «Морфологии». В конце тома — библиография (список источников, из которых берутся примеры), предметный указатель, указатель слов, тщательно разработанное оглавление.

Во «Введении» (написано проф. Д. Макря) изложены общие проблемы марксистского языкознания и сформулированы принципы составления описательной грамматики. Автор видит, в частности, основную цель «Грамматики» в том, чтобы в каждом случае (особенно в случаях колебания норм) «... указать соответствующую правильную форму или же наиболее рекомендуемое литературное употребление, отвечающее внутренним законам развития языка» (стр. 23). Большое внимание во «Введении» (и в специальных главах) уделено историческому объяснению явлений языка.

Но во «Введении» следовало, хотя бы кратко, сформулировать основные принципы учения о грамматической категории и способах ее выражения в языке. Тем более, что отсутствие достаточной последовательности в трактовке этих важнейших понятий приводит составителей, как это будет показано ниже, к нечеткости разъяснений ряда вопросов грамматики румынского языка.

За «Введением» следует раздел, посвященный словарю (§§ 1—30). Необходимость его мотивируется следующим образом: «Поскольку слова языка составляют строительный материал для грамматических форм и правил, раздел о принципах словаря по праву занимает место в начале всякой научной грамматики» (стр. 23). Составители следуют в данном случае давней традиции, воспринятой, в частности, и некоторыми советскими языковедами — авторами теоретических грамматик по западноевропейским языкам.

И все же включение этого раздела в «Грамматику румынского языка» не оправдано, на наш взгляд, ни принципиальными, ни практическими соображениями. В разделе рассмотрены следующие вопросы румынской лексикологии: анализ слова как лексической единицы (§ 1), характеристика понятий основного словарного фонда и словарного состава (§§ 5—6), замечания о семантике и звуковой форме слова (§§ 3—4), описание основных путей развития словаря (словообразование и заимствования, §§ 8—17).

Нетрудно, однако, увидеть, что изложение таких чисто лексикологических вопросов, как учение о семантике слова, об основном словарном фонде и словарном составе и т. п., ничего не может дать грамматике, поскольку последняя, как известно, строит свои правила и законы независимо от конкретного содержания слов. Что касается словообразования, которое тесно связано и с лексикой, и с грамматикой, то в указанной главе основные его процессы (суффиксация, префиксация, словосложение) рассматриваются лишь как пути обогащения словаря, т. е. также в чисто лексическом плане.

В §§ 3 и 4 форма слова определяется как «совокупность звуков слова», т. е. отождествляется со звуковой формой, хотя в «Морфологии» (§ 70) она рассматривается как изменение слова, имеющее грамматическое значение (см. об этом ниже).

В разделе «Словарь» разъясняются и принципиальные для данной работы вопросы — взаимоотношение между словообразованием (деривацией) и морфологией, между лексикой и морфологией, между словообразованием и синтаксисом. Словообразование (предмет морфологии в узком ее понимании) и словообразование относятся авторами к различным областям языка. Первое представляется как объект изучения грамматики, второе — лексикологии. «Вместе с тем, — говорится в главе, — факты, касающиеся деривации, часто переплетаются с фактами морфологии настолько, что их невозможно разделить» (§ 18).

Основным пунктом, сближающим морфологию и словообразование, новая «Грамматика» считает то обстоятельство, что процессы в той и другой области протекают по правилам, имеющим в виду «не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности». Подобно тому как окончания *-m*, *-ți* образуют 1-е и 2-е лицо множественного числа всех глаголов I спряжения (*cinăz m*, *cină-ți* «едем», «идете», *lucrăm*, *lucra-ți* «работаем», «работаете» и т. п.), так и суффикс *-tor* может образовывать почти от любого глагола существительное со значением действующего лица (*ascultător* «слушатель», *scârțâitor* «попугальщик», *vânător* «охотник» и т. п.). Такое различие не может вызывать принципиальных возражений. Можно было бы пожелать лишь более детального описания конкретных форм этой связи.

Взаимоотношения между словообразованием и синтаксисом (о связи лексики и

морфологии см. ниже) иллюстрируются двумя группами явлений. Во-первых, имеется в виду синтаксическое происхождение сложных слов (из словосочетаний или даже целых предложений), что обуславливает классификацию этих слов по характеру их структуры: сочетание определяемого существительного с существительным определяющим — *unt-delema* (*unt + de + lema*) «растительное масло», предлога с существительным — *după-amiază* «послеполуденное время», существительного с определяющим прилагательным — *coate-goale* «оборванец», лексикализация целого предложения — *un lasa-mă să te las* «ямля», «бесхарактерный человек».

И своеобразным показателем связей синтаксиса со словообразованием являются случаи аттракции синтаксических отношений, переносимых с корней слов на производные и наоборот. Так, по аналогии с *munca grea* «тяжелая работа» возникает конструкция *muncitori grei* «рабочие, занятые на тяжелой работе». По типу словосочетания *săracie lucie* «нищета» образована конструкция *sărac luciu* «нищий» (*sărac* означает «бедняк», *luciu* — «блестящий»).

За «Словарем» следует «Фонетика» (§§ 31—69). В первой главе этого раздела, «Орфоэпия», подчеркивается роль правильного литературного произношения для развития социалистической культуры и прежде всего для преподавания родного языка.

В своем развитии и распространении, указывают составители, румынскому литературному языку приходится преодолевать сопротивление различных диалектных особенностей произношения. Так, например, предлоги *de, pe, din, prin* в местных говорах Мунтеши, Баната и Кришана произносятся как *dă, pă, din, prin* (в Банате также *pră, prin*), в Молдове — *di, pi, din, pin*. В Трансильвании, в результате перехода *d > g* перед следующими *e, i*, предлоги *de, din* звучат как *ghi (ghe), ghin*. В главе указывается на необходимость избегать этих местных особенностей произношения.

Но в некоторых случаях, отмечает «Грамматика», литературная норма менее устойчива. Так, наряду с произношением *piine* «хлеб», *mine* «рука» литературный язык допускает и формы *pîne, mîne*. Слова *seară* «вечер», *seară* «отчет», *seară* «сон», *seară* «шубка» произносятся и как *sară, zamă, zamă, greață*. Это объясняется тем, что в прошлом на формирование литературного языка оказывали влияние не только нормы Бухареста, но и произношение центра Молдовы — города Ясы. Мунтанскому (бухарестскому) произношению составители и рекомендуют отдавать предпочтение. Однако рекомендации и предупреждения относительно норм литературного произношения снискались по различным частям раздела (главным образом в главе «Варианты фонем») без соответствующих ссылок в «Орфоэпии».

Глава «Звуки (фонемы) румынского языка» изложена в соответствии с традиционными фонетическими системами, принятыми румынскими грамматистами. Классификация гласных учитывает три основных момента: место образования, степень открытости, лабиализацию. Для согласных такими факторами являются место артикуляции (губные, губно-зубные, палатальные, препалатальные, веллярные, ларингальные) и способ образования (звряные, полувзряные, щелевые, выбравные).

В § 33 звуки речи определяются как наименьшие звуковые единицы, которые «составили слова, служат общению между людьми». В § 51 определение уточняется сопоставлением с понятием фонемы. Фонема — это «фонетический тип, в котором объединены несколько фонетических вариантов, близких между собой с точки зрения физиологической и акустической». Эти варианты и называются звуками речи. В отличие от фонем они не имеют смысларазличительной функции (*nu au puterea ...de a diferenția cuvintele*).

В разделе есть небольшой очерк истории румынской фонетической системы, содержащий краткую характеристику звуков латинского языка и процесс перехода от латинской к восточнороманской и румынской фонетике. В § 50 отмечается большое влияние славянских языков на развитие румынских звуков. Славянским вошедшим объясняются, в частности, такие процессы, как появление звука *h*, развитие подгласного перед начальными гласными (*el* «он» > *iel*, «человек» > *iom*), палатализация согласных перед старым *i* (*plopi* «стопляны»).

В историческом очерке желательнее было бы особо подчеркнуть сложную комбинационную румынских звуков (прежде всего гласных), резко выделяющую этот язык из других романских.

Глава «Варианты фонем» содержит интересный материал о нормах литературного произношения и многочисленных предупреждениях об отклонениях (преимущественно диалектного характера) от нее. Необходимо избегать, в частности, рекомендуют составители, редуцирования в произношении безударных гласных: *foarfecă* «вожжница», *măiță* «ветушка» (почти *foarfee, măiței*). Неправильным следует считать открытие произношение *e — eă* «вижу», *unde* «где», *eșde* «видит» — как не соответствующее литературной норме. Следует избегать также смягчения *l*, свойственного обычно румынам, испытывавшим непосредственное влияние русского или польского языков.

Надо, однако, заметить, что в главе перечисляется множество явлений, не соответствующих понятию варианта фонемы. Так, например, в параграфе «Варианты глас.

ного и дифтонгов \*a, °a, °a» (§ 53) говорится, что вместо литературного конечного ударного °a в Молдове и Трансильвании произносятся *e*: *ste* «звезда», *fațe* «делал» и т. п. Но *e* представляет собой в румынском языке самостоятельную фонему и в данном случае обнаруживается не вариант фонемы, а звуковой закон, свойственный определенным диалектам. То же самое можно сказать о таких явлениях, как диалектное произношение *e* вместо °a (§ 53), об известной палатализации губных (*k'iđor* вместо *picior* «нога», *n'el* вместо *miel* «ягненок») и т. п. И поскольку в подобных случаях речь идет о самостоятельных фонемах, целесообразнее было бы их рассматривать в главе «Орфоэпия», а отнюдь не в связи с анализом вариантов фонем.

Раздел, посвященный морфологии (§§ 70—439), является основным в первом томе. Во «Вводных замечаниях» составители дают определение понятию «форма слова», «часть речи», «парадигма» (*flexiunea*). Здесь же перечисляются основные категории, по которым различаются части речи (род, число, падеж, лицо и т. п.), кратко разъясняется характер связи между морфологией и синтаксисом, сопоставляются лексические и грамматические значения суффиксов.

Формы слова в этом разделе (§ 70) определяются, как «все те изменения одного и того же слова, которые, сохраняя одно лексическое значение, служат для выражения связей данного слова с другими словами фразы или некоторых явлений их». Такое понимание формы слова весьма распространено в лингвистической литературе. Вблизи оно, в частности, и определению академической «Грамматики русского языка».

Большой опыт описания грамматических явлений чувствуется в первой специальной главе этого раздела — «Существительное». Для читателя нерумина здесь особую ценность содержат сведения о своеобразных и противоречивых морфологических процессах, не известных другим романским языкам. Это относится, в частности, к категории «среднего» (по старой терминологии «обоюдного») рода, специфика которой состоит в том, что соответствующие существительные в единственном числе употребляют с окончаниями мужского рода, в то время как во множественном числе они оформляются по образцу существительных женского рода: *pupitr* «пусть» — *pupitre*; *studiu* «учение» — *studii*; *pai* «соломинка» — *paie* «солома»; *deal* «холм» — *dealuri*; *spic* «колос» — *spice*; *unghiu* «угод» — *unghii*; *nume* «имя» — *nume*. Классификация существительных «среднего» рода (§ 111 С) дает исчерпывающие сведения о флексивных способах выражения этой категории и представляет собой надежный справочник по употреблению соответствующих форм. Вряд ли, однако, следовало изображать эту категорию как авалогичную латинскому среднему роду и предполагать, что в румынском она «угрешилась» под влиянием славянских языков (ср. § 83).

В виде стройной системы представлены в рецензируемом труде грамматические особенности существительных, обозначающих лицо (или персонафицированное животное). Выступая в роли прямого дополнения, они требуют, по нормам румынской грамматики, особой приметы — предлога *pe*. Ср.: *Am văzut o casă* «Я увидел дом», но *Am întâlnit pe Ion* «Я встретил Иона». Из других особенностей этих имен можно указать также на препозитивное употребление грамматической приметы родительного и дательного падежа — *lui*: *I-am spus lui Ion* «Я сказал Иону». Особую ценность главы составляют многочисленные и хорошо подобранные примеры из художественной и общественно-политической литературы, иллюстрирующие основные значения падежных форм.

В «Грамматике» нет специальных обобщений, касающихся сопоставления значений падежных форм и предлогов, хотя отдельные материалы, помещенные в соответствующих главах, представляют в этом отношении широкие возможности. Форма родительного падежа, например, *țara* «земля» в румынском языке имеет значения, как possessivitate (*caprele Irinei* «козы Иринеи»), значения родительного субъекта (*trecearea timpului* «течение времени»), объекта (*simțirea nenorocirii lui* «ощущение своего несчастья»), аппозитивное или объяснительное (*luna lui april* «месяц апрель») и некоторое другое. Иначе говоря, в ней сохраняются основные грамматические значения латинского гетива. С другой стороны, предлог *de* выражает те же отношения, что и форма родительного падежа (*mîrlă de oraș* «центр города», *bucați de pine* «кусок хлеба»), хотя в основном он воспринял многообразные значения латинского аблатива (*ablativus separationis, temporis, auctoris, causae* и др.). Широкие обобщения соответствующих материалов были бы крайне интересны в теоретическом отношении, поскольку это помогло бы глубже раскрыть одну из важных особенностей грамматического строя румынского языка — специфическое (для романских языков) соотношение функций синтетических и аналитических форм.

В главе «Артикль» (§§ 133—140) хорошо описаны своеобразные категории possessivного артикла (*al, ai, a, ale*) и артикла при прилагательном (*articolul adjectival — cel, cea*). Интересны, в частности, замечания о стилистической роли артикла при прилагательном (§ 137).

Но параграфы, посвященные употреблению неопределенного артикла и случаям отсутствия артикла, слишком кратки и не систематичны, что особенно бросается в глаза при сопоставлении их с подобными описаниями в грамматиках других романских языков, где соответствующие явления аналогичны румынским.

В §§ 141—157 рассматривается морфология прилагательного. Составители выделяют в румынском языке прилагательные качественные (прилагательные в собственном смысле слова) и определительные (притяжательные, указательные, относительные, вопросительные и неопределенные). Такое деление соответствует традиционным классификациям прилагательных, принятым в западноевропейском языкознании. Но в «Грамматике румынского языка» желательным было бы четко сформулировать особенности каждой из этих групп. Как на основной признак качественного прилагательного (это делается в грамматиках русского языка при сопоставлении качественных и относительных прилагательных), можно было бы указать на степени сравнения. Не чуждым румынскому языку оказывается и второй признак качественного прилагательного, выделяемый в русских грамматиках, — образование при помощи суффиксов уменьшительных, ласкательных и увеличительных форм (*slab* «слабый» — *sîmbuț* «слабенький», *frumos* «красивый» — *frumuşel* «красивенький», *alb* «белый» — *albişor* «беловатый» и т. п.).

Раздел снабжен подробной таблицей склонений, наглядно показывающей сложное оформление прилагательного и определяемого существительного в зависимости от наличия артикли при прилагательном и от места прилагательного по отношению к существительному: *toarăşului bun, toarăş; ului celui bun, bunului toarăş* (все в значении «хорошему товару»).

Глава «Местоимения» (§§ 158—197) дает достаточно полное представление о морфологической структуре и употреблении этой части речи в румынском языке. Многие оправданным, в частности, представляется внесение в эту морфологическую, по существу, главу разрозненных относительно некоторых синтаксических особенностей данной части речи — употребление личных местоимений в качестве подлежащего (§ 164), характеристика свойственных местоимениям конструкций дательного этического (*dativul etic*) и притяжательного (*dativul posesiv*), плеонастическое употребление местоимений косвенного падежа и некоторые другие. Анализ синтаксических конструкций в данном случае облегчает понимание категории в целом.

Глава «Глаголы» (§§ 217—253), одна из наиболее обширных в первом томе, содержит три основные части — «Общие замечания», где дается краткая характеристика категорий глагола и средств их выражения, «Спряжение», содержащая подробное описание глагольных форм (включая изменения основных «неправильных» глаголов), и два раздела, посвященных употреблению времен и наклонений. В конце главы — краткие сведения о словообразовании глаголов (§ 322—326). Такое расположение материала предоставляет составителям «Грамматики» широкие возможности всесторонне осветить особенности этой части речи. Указанной цели отвечает в общем и обильный, хорошо подобранный иллюстративный материал.

Но некоторые формулировки и в этой главе страдают неточностью. Допустимы ли в академической грамматике, например, такие определения: «Действительный залог указывает, что действие совершено грамматическим субъектом» (§ 221). Или: «Страдательный залог указывает, что действие испытывается грамматическим субъектом (который стоит в именительном падеже), но логический субъект, производитель (autorul) действия может быть выражен или подразумевается» (§ 222).

После описания категорий лица, залога, числа, времени и наклонения (§§ 235—237) неожиданно следует совершенно невразумительный § 244 под названием «Грамматические категории глагола». Вот его дословный перевод:

«Глагол — это изменяемое слово, а изменения (*flexiunea*) его называются спряжением. Глагол имеет особые формы для выражения залога, лица, числа, времени, наклонения.

Эти изменения в соответствии с лицом, числом, временем и т. п. выражаются (*sînt indicate*) суффиксами, окончаниями, характерными изменениями формы, а также сложными формами».

Нетрудно увидеть, что здесь, помимо структурного недостатка главы, вскрываются уже серьезная недооценка теоретических аспектов грамматики. Такие формы, как инфинитив, причастие, герундий и суини по устаревшей традиции называются в «Грамматике» наклонениями (*modurile nepersonale*).

Наречия (§§ 327—339) в «Грамматике румынского языка» охарактеризовано со стороны словообразования (наречия корневые, производные, сложные) и с точки зрения его грамматических функций (наречия образа действия, места, времени, причины и цели). К наречиям образа действия (*adverbe de mod*) составители относят такие, как *aierea* «действительно», *alene* «лениво», *altfel* «иначе», *anevoie* «с трудом», *asa* «так», «столь», (*adverbe de mod propriu-zis* «наречия образа действия в собственном смысле слова»). Кроме того, сюда же входят наречия количественные (*destul* «достаточно», *foarte* «очень» и др.), утвердительные (*da* «да», *fireşte* «естественно»), отрицательные (*başet*, *nu* «не»), сомнения или возможности (*parcă* «как будто», *poate* «возможно», усиления и уточнения (*chiar* «даже», *tocmai* «именно»), ограничения (*numai* «только»), объяснительные (*adică* «вот это»). Иначе говоря, эта группа совпадает в основном с наречиями, называемыми в русской грамматике качественными. Вместе с тем в нее вклю-

чены и слова «да», «нет», которые в советских языковедческих трудах относятся к ряду модальных частей.

Ни в § 337, посвященном степеням сравнения, ни в других частях главы ничего не сказано о превосходной степени сравнения наречий. Такой пробел недопустим для академической «Грамматики». Не может быть он оправдан и ссылкой (§ 337) на то, что «степени сравнения наречий образуются так же, как и у прилагательных».

В главе «Предлог» неудачно само определение этой части речи: «Предлог — это часть речи, которая помогает (ajută) выражению синтаксических связей, существующих между членами предложения, т. е. связей существительным и его атрибутом, между глаголом и его дополнениями, между прилагательным или наречием и их дополнением» (§ 340). Почему «помогает (или способствует) выражению». Предлог в румынском языке выражает не менее важные (и более многочисленные) грамматические связи, чем надежные формы, имеющие здесь пережиточный характер. Предлог *pe* в предложении *L-am întrebat pe Vasile* «Я спросил Василия», по мнению составителей, «только морфема винительного падежа, помогающая выражению прямого дополнения» (§ 345). В действительности же предлог *pe* в данном случае выступает как грамматическая форма (или внешний показатель) упоминаемой выше категории одушевленности. А эта последняя в румынском языке является одним из грамматических признаков синтаксической категории прямого дополнения. Нежелательно также в приведенном определении смешение морфологической и синтаксической терминологии.

Основными разделами второго тома «Грамматики румынского языка» — «Синтаксиса» — являются теоретическое введение «Общие замечания о синтаксисе», раздел «Синтаксис предложения», состоящий из двух основных частей («Виды предложений по содержанию» и «Синтаксис членов предложения»), «Синтаксис фразы», т. е. сложного предложения (основные части — «Сочинение», «Подчинение»). В конце тома (§§ 429—463) — глава о порядке слов в предложении (а также о порядке предложений во фразе) и небольшие разделы, посвященные синтаксической и стилистической роли интонации и ударения в румынском языке. §§ 469—482 посвящены пунктуации.

Для «Синтаксиса», так же как и для первого тома рецензируемого труда, можно отметить очень подробное описание грамматических процессов, сопровождаемое хорошо документированным и обильным фактическим материалом. С этой стороны и второй том «Грамматики» следует признать вполне надежным руководством по румынскому языку, намного превосходящим созданные до сих пор работы.

Теоретические принципы составителей «Синтаксиса» сформулированы в «Общих замечаниях» к тому и к основным разделам. Но изложение их слишком кратко и схематично. Некоторые важные положения общего языкознания составителями совершенно не учитываются.

В § 2 после определений предложения и «фразы» (сложного предложения) указывается, что в синтаксисе различают и словосочетания, «которые, выражая связь между двумя или большим количеством предметов (obiecte) или между предметами и их качествами (свойствами), вызывают в нашем сознании образ предмета, действия или состояния, воспринимаемый как единство: *Marea Revoluție Socialistă din Octombrie*, «Великая Октябрьская Социалистическая революция», *examenul de sfirșit de an*, «выпускной экзамен»». Нетрудно видеть, что в данном случае речь идет о так называемых фразеологических сочетаниях. Что же касается свободных синтаксических сочетаний, то о них здесь ничего не говорится, и «Грамматика» фактически сохраняет старую традицию, по которой эта категория не считалась самостоятельным объектом изучения.

Особенно неудачным представляется нам § 6. Здесь сказано, что синтаксис имеет в виду не только синтаксические функции слов и форм, не только роль членов предложений и различных предложений, составляющих «фразу», но и «определенные факты, касающиеся связи между членами предложения и между предложениями: согласование, порядок слов, порядок предложений, интонацию». Дело, однако, в том, что неречевые здесь «определенные факты» представляют собой смесь несоотносимых понятий. Согласование — это грамматическая (синтаксическая) категория, выражающая определенный характер связи между словами предложения или словосочетания. Его уместно было бы рассматривать вместе с другими категориями, передающими характер синтаксических отношений между словами (управление, примыкание), чего в «Грамматике» не сделано. С другой стороны, порядок слов и интонация — это средства выражения грамматических (синтаксических) категорий (называемые также грамматической формой, внешним показателем грамматической категории, модальностью и т. п.) и сопоставлять их следовало с другими грамматическими формами — флексиями, предлогами, чередованиями, имеющими грамматическое значение, и т. п.

Совершенно неожиданным и неоправданным представляется и § 7, озаглавленный «Синтаксис аффективного языка». Язык, считают составители, выражает не только «холодное суждение» (*judcata reșe*), но и аффективное участие говорящего. Поэтому синтаксис «отмечает стень, в которой большое разнообразие психических состояний переносится в нашу манеру говорить». Синтаксис различает, по мнению авторов, речь человека спокойного, который подбирает слова «как надо» и человека взволнованного (*apsionat, emoționat, tulburat*).

Между тем отмечаемые здесь различия вполне объясняются особенностями так называемой разговорной речи. Обращение же к старым категориям психологии отнюдь не может способствовать внедрению марксизма в языкознание. В «Синтаксисе», правда, эта концепция широкого распространения не получила (см., например, § 406 «Об эллипсе»).

Значительную трудность вызывает при составлении грамматики размещение по разделам морфологии и синтаксиса материалов, касающихся грамматических значений падежных форм и предлогов. Задача здесь состоит, очевидно, в том, чтобы дать в обеих частях по возможности полное описание этих значений и избежать при этом лишней повторов. Преодоление этой трудности в «Грамматике румынского языка» не всегда можно считать удачным. Так, например, о родительном падеже в «Морфологии» (т. I, § 120) сказано, что он имеет семь основных значений (*posesiv, apartenenței, înrudirii, subiectiv, obiectiv, instrument al superlativului, apozitiv*). Но в «Синтаксисе», в § 141, посвященном атрибуту, выраженному существительным в родительном падеже, этих значений оказывается уже семнадцать. Помимо перечисленных в первом томе, здесь добавлены родительный материал (*fișia pământului* «подоса земля»), объяснительный (*meșterușul tămăduirii bolilor* «искусство исцеления болезней»), содержащая (*ostrovul florilor* «остров цветов») и другие.

Подобным же образом распределено и описание функций дательного падежа (при выражении атрибута). В «Синтаксисе», например (§ 143), указываются такие грамматические значения дательного падежа, как объектное и целевое, о которых в «Морфологии» ничего не говорится.

В свете марксистского определения грамматики значения падежа выступают как значения морфологические, т. е. передаваемые изменениями слов (хотя в выражении их принимат участие и контекст, т. е. соединение слов). Поэтому целесообразнее было полнее описать их в первом томе. Что же касается синтаксической категории определения, то она выражается во всех приведенных примерах формой родительного падежа независимо от конкретных грамматических значений этой формы. Именно поэтому нет необходимости описывать их подробно в «Синтаксисе».

Такой принцип выдержан составителями при рассмотрении других синтаксических категорий. Например, о косвенном дополнении (§ 197) сказано, что оно выражается дательным, винительным и родительным (последними двумя с предлогами) падежами, грамматические значения которых в данном случае не уточняются (и в этом здесь нет необходимости); обстоятельство места (§ 204) передается наречиями, предложными конструкциями с существительными и местоимениями, обстоятельство причины (§ 214) — сочетаниями предлога с существительными, местоимениями, прилагательными, а также отглагольными именами (причастием, герундием). Наиболее последовательно указанный принцип выдержан в отношении предлогов. В «Морфологии» (§§ 346—377) представлены подробные описания их грамматических значений. Во втором томе указывается лишь участие того или иного из них в выражении отдельных синтаксических категорий.

По четкому плану и очень обстоятельно описаны в «Синтаксисе» различные виды придаточных предложений. В каждой из соответствующих глав есть параграфы, посвященные определению предложения, характеристике союзов и союзных выражений, которыми оно вводится, анализу употребления наклонений, рассмотрению побочных грамматических значений (например, причинных и усугубительных оттенков временного придаточного предложения).

Роль порядка слов в «Общих замечаниях» (§ 429) к специальной главе разъяснена недостаточно глубоко. Составители указывают, что в румынском языке порядок слов не является строгим влствие сохранения падежной системы. Но существует тем не менее обычная, наиболее распространенная в языке последовательность членов предложения, «которая соответствует логическому развитию мысли: подлежащее + определение + сказуемое + прямое и косвенное дополнение + обстоятельство. Если не считать рационалистического объяснения порядка слов ходом мысли (здесь не учитывается также, что определение может стоять и при других членах предложения), то последнее все верно. Но для академической «Грамматики» этого явно недостаточно.

Грамматическая и стилистическая роль порядка слов выясняется обычно на базе сопоставления соответствующих явлений в языках так называемого синтетического строя (латинском, русском) и аналитического (французском, английском). Известно нам хорошо известно, что в первом случае порядок слов имеет преимущественно стилистическое значение, во втором — преимущественно грамматическое. В румынском языке эта грамматическая роль порядка слов весьма значительна, поскольку падежная система и чем не обладает уже тем богатством форм, которое было характерно для латыни.

Но с этим простым, в сущности, наблюдением связано выяснение ряда важных особенностей системы грамматических отношений в языках того и другого строя. В латинском (и русском) языках грамматическая форма (флекция) выражает морфологическую категорию падежа (например, винительного), которая в свою очередь передает синтаксическую категорию (прямое дополнение). В языках аналитического строя грам-

матическая форма (в данном случае порядок слов) выражает синтаксическую категорию непосредственно, без «промежуточных» морфологических категорий падежа. И это обстоятельство несомненно следовало в «Грамматике» разъяснить и полностью учесть при описании особенностей порядка слов в румынском языке сравнительно с датским и другими романскими языками.

Выше указывалось, что большим недостатком «Грамматики румынского языка» является отсутствие в ней хотя бы краткого изложения основных положений учения о грамматической категории и грамматической форме. Характер разъяснения некоторых вопросов в рецензируемом труде показывает, что в данном случае обнаруживается не только упущение технического порядка, но и некоторое общее отставание румынистов в разработке теоретических проблем языкознания. Вот как, например, определяется в «Грамматике» категория числа: «Форма, которую принимает слово, чтобы указать, идет ли речь об одном или о многих экземплярах вида, называется числом» (т. I, § 73). Как «формы» (или «изменение форм») рассматриваются и категории рода, падежа, лица, залога, наклонения, времени. Но подобное представление совершенно не соответствует принятым в современном языкознании определениям грамматических категорий как общих понятий, выражаемых в изменении слов и в сочетании слов в предложениях. С таким определением, кстати, несовместимо и приведенное выше (из § 244) правильное утверждение, что «глагол имеет особые формы для выражения залога, лица, числа, времени, наклонения». Все это приводит к большой терминологической путанице («формы» называется и звуковая форма, и грамматическая форма слова, и грамматическая категория).

Зыбкость представлений об основных понятиях грамматики заметно сказалась и на трактовке связей между различными структурными частями языка.

В «Грамматике» иногда можно встретить очень удачные анализы этих связей. Так, в § 79 первого тома составители показывают, что одни и те же суффиксы могут иметь и грамматическое, и лексическое значение. Суффикс *-ă*, например, в словах женского рода выполняет словообразовательную функцию, поскольку при его помощи от корня может быть образовано существительное женского рода (от *muncă* — *muncă* «работы»). И в то же время он выражает здесь грамматические категории рода, числа, падежа.

Но в некоторых случаях соответствующие связи оказались не вскрытыми. Приведем лишь один пример. Порядок слов в румынском языке очень часто выступает как грамматическая форма. Однако в сочетании прилагательного с определяемым существительным здесь (как и в других романских языках) наблюдается своеобразное явление — прилагательное может менять свое лексическое значение в зависимости от того, стоит ли оно в препозиции или в постпозиции. В сочетании *un veciu* под старым мостом прилагательное *vechiu* имеет значение «давний», «который уже не существует». Но в конструкции *haine vechi* «старые одежды» то же прилагательное имеет значение «поношенный» (см. т. II, § 436). Грамматическая форма (порядок слов) выступает в этих примерах как средство выражения лексических значений. Иначе говоря, здесь мы уже имеем дело с иною формой взаимоотношения лексики и грамматики, чем в предыдущем случае.

Вторая принципиальная для данного труда проблема — это связь морфологии и синтаксиса. Составители в разъяснении этой связи исходят из двух основных положений: «различные формы (*inflexiuni* буквально: «виды») изменяемых слов находят свое объяснение в многообразии синтаксических функций» (т. I, § 71). И далее: «Морфология занимается изучением грамматических форм, но эти формы имеют содержание, которое изучается синтаксисом» (т. II, § 4).

Нетрудно видеть, что в этих высказываниях, приведенных без каких-либо разъяснений, морфология рассматривается как дисциплина, целиком подчиненная синтаксису. Между тем, как справедливо указано в «Грамматике русского языка» (т. II, ч. 1, стр. 7), даже «те морфологические категории, которые обнаруживают совокупность своих функций в синтаксических отношениях слов, имеют и другую, чисто морфологическую, вполне самостоятельную сторону своего существования, являющуюся основным предметом изучения в морфологии». Согласно второму из приведенных высказываний, морфология имеет дело лишь с формами, а грамматическое содержание целиком относится к области синтаксиса. Составители не учитывают, таким образом, что грамматическое содержание может быть и морфологическим, и синтаксическим, в зависимости от того, передается ли оно изменением слов или соединением слов в предложениях.

В рецензируемом труде несколько раз подчеркивается абстрактный характер грамматики. Но при анализе грамматических категорий указанное соображение учитывается не всегда. Вот, например, одно из определений категории рода (т. I, § 73): «Форма, которую принимают существительные — имена одушевленные (*nume de animal*), чтобы указать пол существа, называется родом: *masculin* («трудный») — *masculin* («трудный»). Это — естественный род. Кроме того, в существительном есть еще грамматический род, категория, полностью подобная (*perfect asemănătoare*) с точки зрения форм естественному роду. Дальше утверждает.

ся, что некоторые «имена неодушевленные» принимают такие же окончания, как и «одушевленные», либо унаследовав их от времен, когда люди «приписывали им душу» (le attribua un âme), либо были созданы по аналогии с «одушевленными».

Совершенно очевидно, что старательно описывая «естественный род» и не отступая от этого понятия даже при рассмотрении «несоответствий», составители оказались в плену устаревших представлений о грамматической категории рода и не раскрыли ее основного содержания как средства выражения предметного значения имен существительных.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемый труд, содержащий обстоятельное и в большинстве случаев квалифицированное описание грамматического строя румынского языка, является очень ценным вкладом в румынское языкознание и несомненно в полной мере характеризует новый этап его развития. Вместе с тем, его недостатки свидетельствуют о настоятельной необходимости для лингвистов Румынской Народной Республики усилить внимание к разработке общелингвистических проблем в свете марксистско-ленинского учения о языке.

В. А. Лисицкий

W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen. — Wien, Gerold und C<sup>o</sup>, 1955. 56 стр.

Лингвистические и археологические открытия последнего времени сделали возможным решение наиболее сложных вопросов древней истории Эгейского мира. Ставшие доступными для исследования памятники крито-микенской письменности по-новому освещают происхождение гомеровского эпоса, ранние этапы развития древнегреческих диалектов и расселение их носителей. Каждое исследование, посвященное этим проблемам, привлекает к себе особое внимание.

Книга В. Мерлингена является продолжением целого ряда исследований В. Георгиева, в которых было установлено наличие в греческом языке значительного числа заимствований из «догреческого» индоевропейского языка<sup>1</sup>. В. Мерлинген справедливо отмечает большое теоретическое значение работ В. Георгиева, обнаружившего следы ранее неизвестного индоевропейского языка («догреческого») посредством сравнительно-исторического анализа слов, заимствованных из этого языка другим (древнегреческим). В. Мерлинген считает, что такой принципиально новый способ обнаружения следов исчезнувшего языка путем изучения заимствований из этого языка в другой язык делает открытие В. Георгиева по меньшей мере столь же значительным, как закон Вернера или закон палатальных (стр. 3)<sup>2</sup>.

Концепция «догреческого» языка в работах В. Георгиева постепенно изменялась по мере накопления новых фактов. Отказавшись от своей первоначальной гипотезы об иллирийском характере этого языка, В. Георгиев на протяжении ряда лет продолжал отстаивать положение о том, что «догреческий» язык был языком крито-микенской письменности<sup>3</sup>. В настоящее время он признает, что эта гипотеза опровергается расшифровкой крито-микенских памятников линейного письма В, язык которых оказался древнегреческим<sup>4</sup>.

Но в то же время результаты расшифровки крито-микенских текстов не противоречат теории о существовании «догреческого» языка, известного не из письменных памятников, а лишь благодаря словам, проникшим из этого языка в греческий. Исследование таких слов доказывает реальность существования «догреческого» языка, но вопрос о его носителях остается дискуссионным. Поэтому В. Мерлинген выступает правильно, разграничивая две стороны проблемы «догреческого» языка: в первой части его исследования (стр. 1—31) изучаются характерные черты «догреческого» языка, во второй же части (стр. 32—53) рассматриваются те данные лингвистики и истории, которые, по мнению автора, могут быть использованы для определения носителей этого языка.

Первая часть книги В. Мерлингена посвящена главным образом вопросам фонетики и этимологии. На большом материале Мерлинген доказывает принадлежность

<sup>1</sup> См. краткое изложение итогов этих исследований в статье В. Георгиева «Вопросы родства средиземноморских языков» (ВЯ, 1954, № 4, стр. 58—59).

<sup>2</sup> Здесь и далее в тексте в скобках даются ссылки на страницы книги В. Мерлингена.

<sup>3</sup> См. рец. Б. В. Горнунга на кн. В. Георгиева «Проблемы минойского языка» (ВЯ, 1954, № 2).

<sup>4</sup> Ср. Вл. Георгиев, Введение в чтение и толкование крито-микенских надписей, ИАН ОЛЯ, 1955, вып. 3, стр. 271.